

КНИГА,
ЗАПРЕЩЕННАЯ
НА УКРАИНЕ

АЛЕКСАНДР

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

ТАМОНИКОВ

ДОНБАСС

НЕИСТОВЫЙ УЗНИК

НАША МЕСТЬ ПОДАЕТСЯ ГОРЯЧЕЙ

Донбасс

Александр Тамоников

Неистовый узник

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Неистовый узник / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Донбасс)

Опытный разведчик ополченцев старший лейтенант Илья Ткач бежит из украинского концлагеря «Олимпик». Охваченный ненавистью к националистам, он предлагает своему руководству план по уничтожению лагеря и освобождению пленных, большая часть которых – мирные граждане. Есть у старлея и личный интерес: из-за знакомства с ним в застенки СБУ попала девушка Олеся. Ей срочно нужна помощь. Но у комбата Карабы другие задачи: сейчас гораздо важнее нейтрализовать вражеских диверсантов, проникших в город с целью подрыва местной газораспределительной станции. Ткач с группой захвата приступает к выполнению задания, предполагая, что лично знаком с главарем диверсантов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Тамоников

Неистовый узник

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
(От автора)*

Глава 1

12 сентября 2015 года на блокпосту ВСУ близ деревни со странным названием Чувиха произошло ЧП. Здесь давно не случалось ничего подобного. Перемирие, казавшееся лишь поводом для анекдотов, стало походить на настоящее. По инерции случались перестрелки, локальные стычки, взаимные обмены «любезностями» в виде минометных обстрелов, но серьезных боев уже давно не отмечалось. Противоборствующие стороны были готовы к сражениям, но приказ не открывать огонь худо-бедно выполнялся.

Деревню Чувиха на украинской стороне и село Талое, контролируемое ополченцами, связывала грунтовая дорога, разрытая воронками от снарядов. У каждого населенного пункта стоял блокпост – на востоке ополченцы, на западе – силовики. К северу от дороги находилось кладбище – ранее оно использовалось жителями обоих сел. Сейчас на нем тоже хоронили, но уже с оглядкой – боясь примкнуть к тем, кого пришли провожать в последний путь. Частенько над головами участников похоронных процессий посвистывали пули. Так уж вышло, что смиренный погост оказался точно на линии разграничения. Сегодня никого не хоронили. В районе полудня со стороны силовиков загремели выстрелы. Ополченцы мгновенно заняли позиции, прильнули к амбразурам. У украинцев явно что-то происходило. Отрывисто били автоматные очереди, доносились яркие образчики «устного народного творчества». Взорвалась граната, раздался треск ломающегося шлагбаума, и из клубов порохового дыма возник летящий на всех парах легковой «УАЗ». Водитель не разбирая дороги, и ополченцам на другой стороне поля предстало увлекательное зрелище. Машину швыряло из стороны в сторону, водитель отчаянно газовал. С блокпоста выбегали люди и стреляли вдогонку. Пули хлестали по дороге, уносились в степь. Водителя обуревал страх, он торопился выйти из-под обстрела и, насилу справляясь с управлением, гнал машину по дороге, подлетая на ухабах. Ударил крупнокалиберный пулемет с БТРа, установленного за бетонным ограждением. Свинец перепахал обочину, разбросал грунт. Водитель резко вывернул руль, и машина вильнула влево. Это стало полной для него неожиданностью – на подобные маневры парень не рассчитывал. Машина ушла с обочины, запрыгала по полю к оградкам кладбища. Ему становилось все труднее удерживать ее на ходу. Он затормозил перед ближайшей изгородью – частоколом коротких остроконечных штырей. Задние колеса занесло, машина ударилась левым бортом об ограду, накренилась, въехав на территорию участка вместе с поломанной изгородью. Вот уж воистину, кладбищенская ограда – самая бесполезная вещь. Наружу выйти никто не хочет, войти тоже не много желающих... Водитель выбрался из машины через правую дверь – рослый подтянутый брюнет с перекошенным лицом, в форме украинской армии. Он держал за цевье «АК-74» – тот за что-то зацепился клыком затвора, парень ожесточенно рванул его. И тут же свалился под колеса – соседнюю ограду прошила пулеметная очередь, повалила проржавевший памятник. Несколько человек в военной форме отделились от блокпоста, побежали, пригнувшись, вдоль дороги. Видимо, получили приказ вернуть беглеца. Ополченцы пока помалкивали, наблюдали за развитием событий. Беглец рванул короткими перебежками, при этом виляя как заяц. Он пробежал несколько метров, залегал, оборачивался. Силовики продолжали «выражать озабоченность» – пули свистели у него над головой. Он огрызнулся короткой очередью, припустил дальше. Ополченцы, прильнувшие к амбразурам, уже видели его лицо – скуластое, возбужденное. Он махал им руками и что-то кричал. Ударил скорострельная пушка с БМП. Взрывы прогремели левее – порвав еще одну ограду и разметав могилу. Беглец оступился, выронил автомат и, рухнув на колени, принялся искать его в высокой траве. Видно, очень хотелось прийти к противнику с оружием в руках. Намерение было похвальным, ополченцы одобрительно загудели. Командир блокпоста принял решение поддержать перебежчика. В преследователей полетели пули. Автоматчики залегли, стали отстреливаться. Беглец почувствовал поддержку, побежал

вдоль обочины, подбрасывая длинные ноги, при этом автомат отвел в сторону, давая понять, что бежит не в атаку. Несколько раз он падал в водосточную канаву, поднимался, снова бежал. Силовиков прижали к земле, они отползли – благо недалеко ушли от своего поста. Парню осталось пробежать не больше ста метров. Он решился на рывок – поднялся и помчался в полный рост, закусив губу. Ополченцы поддерживали его выкриками – словно форварда своей команды, вышедшего с мячом к воротам противника! Давай, парень, давай!

Под рваные хлопки выстрелов он влетел за бетонные заграждения, выронил автомат и в изнеможении повалился на землю, кашля и хватаясь за ребра. Физиономия пылала, как маковое поле. Это был стройный, спортивно сложенный парень с правильными чертами лица. Его обступили ополченцы, кто-то поднял автомат.

– Не стреляйте, не бейте... – хрипел он. – Или бейте, черт с вами... Я к вам, не хочу больше воевать... – и снова зашелся кашлем.

– Приветствую тебя, уважаемый, – ухмыльнулся рослый бородач с ручным пулеметом на плече, – от лица, так сказать, всех угнетенных жителей Донбасса. – Его товарищи засмеялись, а бородач продолжал: – Что, дружок, надоело жрать еврокапусту и пить евро-горилку? Нормальной жизни захотелось? Или, может, ты – разведчик?

– Ага, Штирлиц, на хрен... – выдохнул беглец и поднялся на колени. Пошарил по земле, видимо, ища свой автомат, потом опомнился и хрипло засмеялся: – Все, мужики, делайте со мной что хотите, я больше не хочу воевать... К своим не вернусь... Николаем Калаченко меня кличут, сержант Николай Калаченко, разведвзвод второго батальона аэромобильной бригады...

– Ого, десантура! – воскликнул бородач. – Доброволец, поди?

– Доброволец, – честно признался беглец. – Но когда это было? Полтора года назад... Запарили мозги, поверил им... Ей-богу, хлопцы, не хочу быть карателем, нет на мне невинной крови, можете проверять... В Киеве записывался в добровольцы, работал там в охранной фирме, с матерью жил, она в столицу переехала, а сам я местный, из Краснодола, на улице Связистов живу, дом у меня там, отец в Краснодоле похоронен...

– Да ты сосед, что ли? – прищурился второй боец – обладатель усыпанного угрями лица. – На улице Коминтерна я живу, почти по соседству. Вроде видел тебя, парень, но не сказать, что знаю...

– Зато я тебя знаю, – вздохнул Калаченко, вытирая рукавом пот со лба. – Не помню, как тебя звать, ты в четвертой школе учился, дрались мы с вашей кодлой на дискотеке в общаге турбинного завода... У тебя, кажется, брата в шахте завалило, помню, ты мрачный ходил, а потом то ли в Донецк, то ли в Горловку за лучшей жизнью подался...

– В натуре местный, – удивился боец. – А какого хрена у хохлов делал?

– Так прибей меня за это! – разозлился перебежчик.

– Ладно, подеритесь еще, – миролюбиво буркнул бородач. – Вставай, парень, не будем тебя сегодня дрючить. В штаб батальона доставим – если не соврал и нет на тебе крови, то ничего с тобой не будет. Мы рады, когда сознательный люд с той стороны переходит к нам. Всех приютим, если не гнида, конечно. Эй, мужики, у нас «буханка» на ходу? Доставьте этого паренька в Краснодол. Только уж извиняй, зайка ты наша быстроногая, но ручонки мы тебе свяжем...

Беглеца доставили в райцентр довольно быстро – туда все равно собирались за продуктами длительного хранения. В объезд через Рудное было не больше тридцати километров. Накатанный проселок тянулся мимо деревень, перелесков, обвивал покатые холмы, заросшие осиновым редколесьем. Леса начинали желтеть, рябина покрывалась багрянцем, но преобладающим цветом в природе пока оставался зеленый. Дезертир сидел со связанными руками в глубине салона. Он уже успокоился, лицо приобрело нормальный цвет. Вел себя сдержанно, лишь однажды улыбнулся, когда проезжали село Запашное, обернулся, провожая взглядом

людей, убирающих картошку. «Девушка у меня тут жила, – объяснил он. – Симпатичная была, зараза. Поссорился я с ней, вышла замуж за отпрыска главы Краснореченского района...»

Поселок городского типа Краснодол переживал в начале сентября 2015-го не самые худшие времена. Военная жизнь постепенно сменялась мирной. Еще чернели воронки от снарядов, возвышались остовы сгоревших зданий, по улицам сновали патрули в защитном, а на перекрестках стояли танки и БТРы, но признаки мирной жизни уже преобладали. Работали магазины, заправки, на улицах было много легковых машин, в центре по тротуарам и паркам гуляли люди. Попадались молодые матери с колясками. Где-то отстраивали кирпичный забор. На месте взорванного дома высился новый, еще не окрашенный сруб. Чадили грузовики со строительными материалами. Городок утопал в зелени садов. В центральном сквере энтузиасты высаживали саженцы на месте поваленных лип. Работала дорожная техника – латала асфальт. Штаб мотострелкового батальона переселился из подвала в пустующий центр занятости, соседствующий с городской администрацией и райотделом милиции. В глубине дворов располагалось приземистое здание бывшего отдела СБУ. Оно не выделялось на фоне прочих строений, могло похвастаться лишь подвалами и усиленной охраной. В одно из цокольных помещений и доставили задержанного. В комнате со скудным декором находились командир батальона майор Караба Богдан Мстиславович, прикомандированный к батальону контрразведчик капитан Гнышев (за глаза его называли «особистом») и командир взвода специальной разведки старший лейтенант Илья Ткач. За три недели, прошедшие после побега из концлагеря, Илья практически оправился, набрал вес, приосанился. Но пребывание в неволе наложило отпечаток на облик – лицо оставалось серым, под глазами чернели круги. Он постоянно выглядел уставшим, и даже офицерская выправка казалась нарочитой, вымученной, словно позаимствованной у кого-то другого. Он скромно стоял у дверей, подпирая стенку. Илья понятия не имел, зачем Караба вызвал его на допрос военнослужащего ВСУ. Решил, что после концлагеря он теперь с легкостью распознает любую фальшь? Можно подумать, первый перебежчик. В военное время народ валил пачками, не желая воевать. Сдавались целыми подразделениями. С началом перемирия ручеек стал иссякать (что, впрочем, вряд ли говорило о том, что Украина стала богатой и процветающей страной), но прецеденты по-прежнему случались. Потенциальных диверсантов в их рядах было немного, но всякое, конечно, бывало.

Парень, сидящий на табурете посреди комнаты, на диверсанта не тянул. Жилистый, с нормальным лицом, нормальными глазами. Он сильно волновался, хотя и старался выглядеть спокойным. В глазах застыло что-то вроде обреченности – мол, будь что будет. А когда майор Караба, бесцельно блуждавший по комнате (не любил комбат состояние покоя), остановился у него за спиной, дезертир напрягся, невольно втянул голову в плечи. Это была совершенно нормальная реакция.

– Ну что ж, молодой человек, обсудим вопросы наших двусторонних отношений, так сказать, – подал голос сидящий за столом контрразведчик. Он раскрыл папку, положил на нее обкусанную ручку и пристально воззрился на сержанта: – Значит, дезертировали? Напомните ваши паспортные и служебные данные, если не трудно.

– Калаченко Николай Егорович, – бесцветно отозвался дезертир. – Сержант. Заместитель командира разведывательного взвода (на этих словах скучающий в дверях Илья с интересом приподнял бровь). – 2-й батальон аэромобильной бригады. Часть расквартирована в Костянке... 26 лет, в армии полтора года, родом из Краснодола, уехал отсюда в декабре 2013-го – жил и работал в Киеве, сотрудник охранного предприятия «Щит і меч», в апреле 2014-го записался добровольцем в армию... Охранял Запорожскую АЭС, сопровождал эшелоны, следующие в зону АТО. В боях почти не участвовал, не считая недельного пребывания в окруженном Дебальцево... Адрес проживания в Краснодоле – улица Связистов, 74. Отец – Калаченко Егор Дмитриевич – умер от инфаркта в январе 2015-го. В тот день наши... обстреливали Краснодол, снаряд взорвался в соседском огороде, и у него случился приступ. Мама после похо-

рон уехала в Киев к сестре, сейчас проживает там на улице Новогрушевской... Я несколько раз навещал ее в Киеве... Отец похоронен в Краснодоле на городском кладбище у Волчьей балки... – Николай облизнул пересохшие губы, сделал паузу. Похоже, во время своего беспримерного броска через поле он ударился грудной клеткой – дышал неравномерно, с усилием.

– Вам требуется медицинская помощь? – спросил Гнышев.

– Нет, спасибо. Просто ударился, все в порядке, пройдет.

– Замечательно, – кивнул контрразведчик. – Тогда продолжим. Итак, вы служите разведчиком в аэромобильной бригаде, гм...

– Только полтора месяца, – пожал плечами Калаченко. – В последние месяцы не было боевых действий. Обычный распорядок дня. Иногда командировки – охрана эшелонов, автомобильных колонн.

– Какие задания выполняли на территории самопровозглашенных республик? – в лоб спросил контрразведчик. Калаченко вздрогнул.

– В смысле?.. Господи, никаких. Мы ни разу не были на территории самопровозглашенных республик... – Он улыбнулся какой-то дерганой маловыразительной улыбкой. – Если бы я был на этой территории, я бы назад уже не вернулся...

– Почему дезертировали из части? Вас плохо кормили?

– Отчего же, сейчас нормально кормят. Армия почти не голодает... Надоело воевать, надоело сидеть в окопах. – Голос Калаченко потвердел, он выпрямил спину и, не моргая, смотрел на капитана Гнышева. – Ради чего я должен там сидеть? Я не верю в то, что нам впаривают. На этой войне ни у кого нет правды. Есть только интересы. Во всяком случае, я не знаю, кто прав, и знать этого не хочу. Рядом с нами в Дебальцево воевали солдаты «Азова». Там почти все – нацисты, это звери, они лишь грабят и убивают. Я не хочу находиться в этой компании. Идеи Бандеры не поддерживаю, считаю их вредными, опасными... хотя и далек от политики. У меня дом в Краснодоле, в котором я не был больше двух лет. Тут моя родина, мои корни...

– Ну, допустим, – кивнул Гнышев. – Несколько сумбурно, временами малоубедительно, но допустим...

– Малоубедительно? – вздрогнул Калаченко. – Господи, я к вам бежал сознательно, со своим оружием, я больше не мог... Вы не представляете, какая это пытка – горбатиться в армии, когда не понимаешь, за что...

– Не представляем, – усмехнулся контрразведчик. – Но повторяю в третий раз – допустим. Что вы можете сказать о планах украинского командования, о частях, дислоцированных в районе, о настроении солдат?

– Лучше про детство у него спроси, Михаил Игнатович, – проворчал Караба, – психоаналитик, блин, хренов... Эти темы вы еще обсудите, и задержанный даст подробные ответы на все ваши вопросы. А пока не будем тратить время. – Он вышел из-за спины Калаченко и остановился в шаге напротив. Сержант с невольной опаской посмотрел на него. Майор Караба (позывной «Карабас» получен не только за созвучие слов) был грузен, угрюм, обладал пронзительным взглядом и весьма неуравновешенным характером. – Хорошо, парень, мы поняли твою мысль. Тебе надоело горбатиться на украинское государство, ты соскучился по нормальной жизни. В ополчение пойдешь служить?

Николай побледнел, опять втянул голову в плечи, однако решительно замотал головой.

– Нет, товарищи офицеры, не хочу... Во всяком случае, пока не хочу. Тошнит от армии, не могу больше. Гражданка снится, мочи нет. Дом родной каждую ночь вижу. Он же здесь, рядом, на улице Связистов... Надеюсь, там все в порядке, сад, конечно, зарос, но это не страшно. У отца добротный дом, дворовые постройки, в гараже нормальная «Нива» трехлетней давности... если не угнали, конечно. Небольшой ремонт – и будет ездить. Хочу перевозками заняться, таксовать, грузы возить, не хочу больше служить. Гражданскую жизнь собираюсь начать... если не расстреляете.

Последняя фраза вызвала невольные улыбки. Даже самое отъявленное зверье, попавшее в аркан, не расстреливали, отправляли к контрразведчикам в Донецк.

– Не хочешь воевать – это нормально, – как-то неопределенно пробормотал комбат. – А чего от своих бежал с такой помпой? Всех на уши поставил. И еще неизвестно, как через Канюку переправился.

– Да нормально переправился, по мосту, – пожал плечами дезертир. – Машина была приписана к нашему подразделению. Хлопцы в караул ушли, а я в наряде остался. Как молния в голове – ведь не будет другого шанса! Сказал дневальным, что дежурный по батальону вызывает, сам в машину – и вперед. На мосту тоже наши парни стояли – пропустили, они меня в лицо знают. А перед блокпостом пришлось разогнаться, чтобы шлагбаум пробить, народ и всполошился. Стали орать, в воздух палить, а когда я снес эту хрень – по мне давай шмалять. Чуть не подстрелили, ей-богу – машину занесло, на триста шестьдесят крутануло... Как-то выпутался, я хороший водитель.

– Таксовать, говоришь, собрался, – усмехнулся Караба и вопросительно глянул на Илью Ткача. Тот пожал плечами – вроде нормально. – Ну что ж, парень, потаксуешь еще, потаксуешь. Только, знаешь, народ в нашей местности не очень-то богат, так что таксу задирать не рекомендую. Благотворительностью занимайся – бабушек вози за спасибо. Зато свобода тебе полная – хочешь, за рубли вози, хочешь, за гривны или за валюту. Подъемные, извини, дать не можем, не тот случай. Но ничего, не пропадешь, имея свой дом...

– Вы отпускаете меня? – В глазах дезертира блеснула надежда.

– Ага, потом догоним и еще отпустим, – засмеялся комбат. – Эй, охрана! – рявкнул он. – В камеру задержанного!

– Подождите, – опешил Калаченко. – Как же так? Вы же сами сказали...

– Парень, не тупи, – поморщился контрразведчик Гнышев, – ты вроде не впервые замужем. Расстреливать, так и быть, не будем, кончилось то время. Не думаешь же, что мы сейчас расплачемся и сразу тебе поверим? Посидишь пару дней на шконке, не облезешь. А мы пока проверим, правду ли ты говоришь. Вставай, топай в камеру. – Он покосился на дюжего молодца с автоматом, явившегося по зову комбата. – Кормежка и прогулки на общих основаниях.

Николай вздохнул, сделал скорбное лицо и поднялся. Илья посторонился, освобождая дорогу.

Проверка не выявила ничего подозрительного. Этот парень действительно служил в озвученной части, ничем преступным себя не запятнал. Родился и вырос в Краснодаре (нашлись люди, его вспомнившие), по указанному адресу находился дом с заколоченными ставнями, по уши заросший крапивой. Были перехвачены радиопереговоры силовиков. Да, все верно, из части сбежал военнослужащий, попытки пресечь бегство к успеху не привели. Машину, снесшую кладбищенскую ограду, под прикрытием бронетранспортера отбуксировали на блокпост (ополченцы при этом не стреляли, но обкладывали силовиков по полной программе, и те не оставались в долгу). Какой-то майор грозился наказать какого-то капитана, тот в ответ лебезил и зарекался, что больше такого не повторится. Агентура доложила, что за день до побега у фигуранта и пары сослуживцев (некие Моргун и Драчевский) была увольнительная, которую хлопцы провели весьма содержательно. Баня, выпивка, девочки. Ничто не предвещало «несчастья». А утром в голове у похмельного сержанта вдруг что-то переключилось, тоска взыграла...

– Выходи, боец несокрушимой и легендарной украинской армии, будь она трижды неладна, – проворчал Илья, распахивая тюремную решетку. – Считаю, прошел предварительную проверку. Мне поручено сопроводить тебя до отчего дома и сдать с рук на руки домашним привидениям. Старший лейтенант Илья Ткач, взвод специальной разведки, – небрежно козырнул он двумя пальцами на польский лад.

– А я уже не верил... – облегченно вздохнул Николай, скидывая ноги с тюремных нар.

– Такая вот неожиданная концовка у твоей военной эпопеи.

Взводу специальной разведки недавно выдали пару небольших, но маневренных джипов «Субару» (оба 92-го года выпуска). На одном из них Илья и заехал в бывший отдел СБУ, чтобы подбросить Калаченко. Рабочий день закончился, позвонил капитан Гнышев, неохотно признался, что парень чист, можно выпускать. «Если хочешь, присмотришь к нему, старлей. Парень реально владеет информацией о воинстве «укропов», вдруг поможет в твоём нелегком деле?» Илья довез Калаченко до улицы Связистов, утонувшей в зелени «плодово-ягодного» хозяйства. Улица на восточной окраине Краснодола начиналась от заброшенного клуба Авиастроителей и тянулась до выезда из города – последним сооружением на ней была центральная газораспределительная станция, питающая город из магистрального газопровода, проходящего восточнее.

– Приехали, приятель, – объявил Илья, останавливая машину у рослого забора из профилированного листа. За оградой просматривался массивный двухэтажный дом. – На свободу с чистой совестью, как говорится. Чистая совесть-то?

– Да вроде не грязная... – пробормотал Николай. Илья заметил, как он начал волноваться, едва въехали на улицу Связистов, кусал губы, гримасничал, вертел головой, как сыч. А когда остановились у забора, парень едва дышал от волнения, предчувствуя встречу с родным домом.

– Не гони, приятель, – вник в его терзания Илья. – Посиди минутку, отдышись, я не спешу. Солидный у тебя домина.

– Не знаю, в каком он состоянии, – выдохнул Николай. – Мать говорила, что все в порядке было, ставни закрыла, забила гвоздями. Его отец когда-то строил – я еще маленький был... ну, как маленький – в школе учился. – Он невольно заулыбался, вспоминая безвозвратно ушедшие юные годы. – Батя своими руками колотил, только друзья иногда помогали, да я еще под ногами путался... Хата справная, просторная, в два кирпича толщиной, два этажа, над ними летняя мансарда, погреб под домом. На задворках баня, дровяники, гараж – второй под домом. Живи да радуйся, кабы не война проклятая... Этот забор бате из Днепра фурами возили – специально заказывал. С трех сторон его воткнул – с фасада, справа и на тыльной стороне – она на пруд выходит. Только слева сетку-рабицу натянул, чтобы от соседей сильно не отгораживаться. Дружил батяня с Куликами. – Николай кивнул на обветшалую деревянную ограду слева от владений Калаченко. – Там тоже все заброшено и запущено. Они и так небогато жили, домик небольшой, холодный – топили печь постоянно, туалет на улице, банька крохотная, машины и вовсе не было. Мамазя сказывала, что Кулики в Россию подались – к старшему сыну, он то ли в Воронеже, то ли в Ставрополе обитает... Ладно, спасибо вам, что подбросили. Пойду я, буду жить да поживать...

– Чеши, – улыбнулся Илья, – только не забудь в комендатуру явиться, встать на учет и получить временную ксиву. С документами-то у тебя неважно?

– С документами засада, – согласился Николай. – Солдатская книжка ВСУ – не ахти какой документ. Оформлялся в Киеве, там и паспорт, и военный билет...

– Ладно, не грузись, поможем. Послушай... – Илья помялся немного, но все же решился спросить: – Ты в курсе о некоем заведении, так сказать... исправительного характера под городом Беленск? Там раньше был спортивно-оздоровительный лагерь, а сейчас... это самое заведение.

– «Олимпик», что ли? – нахмурился Николай. – Ну да, имеется под Беленском такой лагерь – там спортсмены к соревнованиям готовились или отдыхали после состязаний. У меня приятель там время неплохо проводил – баскетболист, его команду федерация баскетбола отправляла на эту самую... на рекре...

– На рекреацию, – подсказал Илья. – Да, приятель, я в курсе. Там и врачи приличные работали, тренеры, психологи. И с женским полом никаких проблем не было. Но я не про это, Николай. Там сейчас концлагерь, слышал о таком?

– В смысле? – опешил Калаченко. – Какой еще концлагерь? Это же у фашистов было?

– Фашисты и есть. Несколько сотен невинных людей, обращаются с ними по-скотски, бьют, убивают, травят собаками, кормят червями, заставляют работать на стройке в Кашланах по двенадцать часов в сутки... Надзиратели – звери, охрана – цепные псы. Люди там долго не выдерживают, превращаются в скелеты. Все соки из них выжимают, а потом умерщвляют, или сами «коньки отдают», привозят новых. Идеиных противников режима там крайне мало, основная масса – случайные люди...

– Да ну, мужик, ты что-то загнул, на Украине нет фашистских лагерей. Правые радикалы есть, но это... как бы их личное дело, не отражающее идеологию государства. Ты уверен, что ничего не перепутал, старлей?

– Две недели провел в этом лагере, – пробормотал Илья. – Рад бы ошибиться, но долговременными галлюцинациями пока не страдаю... Значит, не слышал ничего об этом «увеселительном» заведении?

– Да как тебе сказать... – Николай задумался. – Беленск – это вроде недалеко, но точной информации, тем более такой горячей, у меня нет. Под Беленском фигурирует некий фильтрационный лагерь, где содержат опасных сепаратистов, но там запретная зона, все засекречено. В Кашланах строят коттеджный поселок, но кто строит, для кого – не задумывался, старлей. И, опять же, охраняемая территория. Нам оно надо? Сочиняешь, поди, – шумно выдохнул он, – сказки рассказываешь. Я не говорю, что у нас сплошные ангелы, но это чересчур. Мерзко это, старлей, не верю. Ладно, не морочь мне голову, новую жизнь хочу начать, забыться. Работать буду, деньги зарабатывать. Может, стану еще преуспевающим предпринимателем. – Николай как-то неуверенно рассмеялся.

– Ладно, топай, – махнул рукой Илья. – Предпринимай, преуспевай. Не боишься, что ваши придут мстить за дезертирство?

– Не боюсь, – вяло усмехнулся Николай. – Устал бояться. Если найдут – постою за себя.

– Да неужели? – пробормотал Илья, включая передачу. – Ладно, двигай. Удачи тебе.

Он развернулся и покатил обратно в центр. Несколько минут Николай стоял в оцепенении, потом вышел из задумчивости и зашагал к калитке. Она оказалась закрытой на замок. Ключей у него, понятно, не было. Он растерянно осмотрелся. В доме через дорогу кто-то подглядывал за ними в окно. Знакомая фигура – баба Люба, жива еще, курилка старая. Как всегда, прилипшая к этому окну... Он помахал ей рукой – эта старая выдра никогда на зрение не жаловалась. Может, и узнала пропавшего два года назад соседа, но виду не подала, отступила в тень. Он нажал коленом на калитку в районе замка, и та, заскрипев, открылась. Замок проржавел – надо менять. Николай брел по саду, где царило раздолье сорняков – многие высотой в человеческий рост, под которыми скрылись грядки, клумбы и дорожки, и приходилось продирается, как через джунгли. Ключ от дома лежал, как водится, под горшком с засохшей пальмой – неподвластный ветру, сырости, холодам, воришкам. Прежде чем открыть дверь, он совершил вояж по периметру здания, отрывая доски, набитые на закрытые ставни. Поразительно, но дом не посещали! В этом был определенно добрый знак. Николай вошел внутрь, справившись с тугим замком, побродил по дому, раскрывая окна, чтобы выгнать дух застоя, затем поднялся на второй этаж. Мебели в доме осталось немного – мать, оставшись одна, устроила тотальную распродажу, чтобы собрать денег. Он бросил унылый взгляд на свою комнату, в которой уцелела кровать, снова спустился вниз и подошел к буфету. Он должен выпить, он просто обязан был это сделать! В дальнем углу буфета обнаружилась початая бутылка с мутноватым содержимым. Видимо, мать наливала грузчикам. Служба в армии научила подавлять брезгливость, Николай налил себе в пыльный стакан и, давась, выпил. Хлопая дверцами шкафов на кухне,

стал выдвигать ящики. Обнаружилась пачка задубевших макарон, древние сухари, печенье. Щелкнув выключателем, он сделал удивительное открытие – в доме есть свет! Это было потрясающе! Неужели действительно война закончилась? Пошарив по карманам, вытащил из-за подкладки защитной куртки запрятанную на черный день пачку гривен. Пересчитал, поморщился. Но деваться некуда – чтобы выжить в этом мире, надо работать. В целом дом произвел на него удовлетворительное впечатление.

Николай вышел во двор, долго бродил по заросшему саду. Увидел валявшиеся на земле старые перчатки и, надев их, принялся вырывать сорняки. В результате обзлился, выпил еще горилки. В надворном гараже не оказалось ничего интересного. Пол был устлан ржавой жестью, завален какой-то трухлявой древесиной. Этим гаражом отец не пользовался – для хранения машины имелся комфортабельный гараж под домом. Зачем его отец вообще построил? Мама возражала, а ему приспичило. Даже ругались по этому поводу. Отец еще шутил, подмигивая сыну: выслушай, мол, женщину, сделай наоборот и прячься. Ничего, Николай приспособит его под свои нужды, не пропадет батянин скорбный труд. Профлист на ограде держался, никто не пытался его сломать или похитить. Он обошел периметр, оценил качество и прочность конструкции. Сетка-рабица на границе с Куликами тоже держалась. У соседей огород зарос буйными сорняками. Кусты подступали к самой ограде, служа идеальной маскировкой. Там никто не жил, во всяком случае не подавал признаков жизни. Николай заглянул в баню и в сарай – везде запустение, требуется ремонт или вообще снос. Порадовал только гараж под домом. В нем все оставалось, как при отце, не считая плотного слоя пыли. «Нива» цвета мокрого асфальта – как новенькая. Он притащил два ведра воды, вымыл ее. Нашел среди канистр одну с бензином, слил в горловину. Залез под капот и поднялся вполне удовлетворенный. Молодец, отец, до самой смерти поддерживал машину в рабочем состоянии. Поменять несколько расходников – и долгие годы еще пробегает. Надо бы на могилку к нему сходить...

Николай запер калитку, заделал проволокой дыры в сетке. В принципе, все было в норме, могло быть хуже. Он чувствовал себя безмерно уставшим. Заперся в доме, поднялся в родительскую спальню, растянулся на кровати. Продать ее маманя не смогла или не решилась. Со стены на него смотрели родители – молодые, и сам он – неоперившийся, гримасничающий школьник. Было в их взгляде что-то укоризненное. А может, показалось. Он отвернулся, чтобы не смотреть на них, и его тут же сжали в тугие тиски объятия Морфея...

Глава 2

В последующие дни Николай усердно налаживал новую жизнь. Ездил по городу, присматривался, как живут люди. Жидкая пачка гривен ушла на бензин и на продукты. Он встречал знакомых – кто-то его узнавал, кто-то нет. Прошедшая война (хотя прошедшая ли?) сильно изменила людей. Многие ожесточились, завернулись в кокон, демонстративно не узнавали знакомых. Кто-то уехал, кто-то погиб. Он тоже не горел желанием общаться с людьми, жил в своей скорлупе. Колесил по Краснодолу, остальное время проводил дома, наводил порядок, прибирался в саду и надворных постройках. Посетил кладбище, с трудом нашел могилку отца – хоронили бату в спешке, ни памятника, ни оградки, хорошо хоть соседка указала нужный ориентир. Он битый час сидел рядом с холмиком, мрачный как туча, дымил махоркой, купленной на базаре.

Несколько дней Николай провел в каком-то тягостном унынии. Днем наматывал километры, вечера проводил в одиночестве, смотрел телевизор, на котором вещал единственный канал из Донецка, тянул мелкими дозами дешевую водку, купленную у коллеги-таксиста. На третью ночь в калитку позвонили. Он долго не открывал: пока услышал, проснулся, добрел через просторный двор – несколько минут прошло. На участок вторгся ночной патруль в полном составе и принялся прессовать. Ему в лицо светил фонарь, хриплый голос настойчиво вгрызался в голову:

– Калаченко Николай Егорович? Это проверка. Вы должны были явиться в комендатуру, чтобы встать на учет, и до сих пор не явились. Позвольте поинтересоваться, чем вызвано столь ярое нежелание следовать установленным правилам?

– Это неправда, – бормотал Николай, пятясь под напором автоматчиков и протирая заспанные глаза. – Я дважды являлся в комендатуру, и всякий раз там чего-то не хватало – то электричества, чтобы занести меня в базу, то ответственного за данную работу делопроизводителя. Если не возражаете, я попробую еще раз...

– Почему так долго не открывали? – наседали ополченцы.

– Побойтесь Бога, товарищи военные! – возмущался Калаченко. – Хотите проверить? Поднимитесь наверх, усните, а я позвоню в калитку и посмотрю, как скоро вы откроете...

– Калаченко, не дерзить! – сверлил мозг хриплый голос. – Вы пока под надзором, невзирая на то, что с вами поступили по-человечески и отпустили на все четыре стороны. И никакие мы вам не товарищи. Забыли, что служили в украинской армии? Кто там у вас – господа, панове?

– Вообще-то товарищи, – бормотал Николай, – это обращение к военнослужащим никто не отменял...

– Показывайте, Калаченко, свои апартаменты. Мы обязаны осмотреть все помещения и постройки. Включите свет во всем доме и во дворе. Это приказ коменданта. И постоянно находитесь у нас на глазах.

– Да пожалуйста, – пожал плечами Николай. – А кого ищите-то, товарищи? У меня даже женщины нет, не обзавелся пока...

Бойцы самопровозглашенной республики с сумрачными лицами ходили по дому, заглядывали во все кладовки и закоулки. Николай покорно следовал за ними, зевая в кулак. Бойцы посматривали на него с подозрением – и в принципе, он их прекрасно понимал. Но чаша терпения уже переполнялась.

– Вы так смотрите на меня, мужики, – дерзил он, – словно я абсолютно не вписываюсь в этот интерьер. И вообще из другого анекдота.

– Помолчите, Калаченко! Мы делаем свою работу. В другом месте остричь будете.

Так и подмывало спросить – в каком? Но больше он не дерзил, смиренно терпел посторонних. Патрульные блуждали по саду, словно привидения, похоже, им совершенно не хотелось уходить. Осмотрели сетку, забор. Залезли в подвал, где еще прозябали соленья трехлетней давности, поинтересовались, нет ли на участке других подвальных помещений. Николай развел руками.

– Хорошо, Калаченко, но завтра обязательно зайдите в комендатуру, вас уже заждались, – сказал напоследок старший патруля. – Похоже, жизнь на гражданке у вас также не складывается. Вы не выглядите добрым и счастливым. Мы знаем, что вы работаете таксистом, но в наше время трудно сколотить на этом капитал. Подумайте хорошенько, не желаете ли записаться в ополчение? Зарплату, как в Иностранном легионе, не гарантируем, но, по крайней мере, будете сытым и не умрете со скуки.

Николай обещал подумать, запер за ополченцами дверь и задумался.

На следующий день он сходил на рынок, прогулялся по центру, заглянул в возрождающийся сквер, где гуляли влюбленные парочки и замученные мамы с колясками. Дойдя до церкви, зашел и туда. На выходе бросил несколько монеток безногую старику, сидящему на паперти. Старик щеголял продырявленной шляпой и почему-то георгиевской ленточкой. «Святой вы человек», – вздохнул ему вслед инвалид.

Вторую половину выходного дня Николай опять провел за рулем, подвез в поселок Камышинский двух пожилых женщин. Расплатились гражданки продуктами – парой килограммов картошки, крупным язем и рецептом его приготовления, при котором язь может храниться даже на жаре. Еще один заказ поступил из общежития завода турбин – бывшие погорельцы переезжали в отремонтированный дом, и им требовалось отвезти кучу вещей. «Четыре ходки, приятель, – умолял его прихрамывающий новосел, – и все перевезем. А с нас по двадцать гривен за ходку». С деньгами в этой израненной стране было что-то не так – по неким причинам на всех их не хватало. Уважающий себя таксист за такие деньги из машины бы не вышел. Николай же весь остаток дня крутил баранку за ничтожную сумму. Несколько раз возникало ощущение, что за ним наблюдают – он не мог бы поклясться, что это так, но на всякий случай делал вид, будто ничего не замечает. «Бродячие» патрули больше не донимали, и паранойя по вечерам пропадала. Он поднимался на мансарду, окна которой выходили на три стороны, выключал свет и наблюдал за окрестностями, отогнув шторы. Слежки не было. Лишь баба Люба из дома напротив постоянно торчала у окна. Очень скоро выяснилось, что у старушки по причине смерти единственного сына окончательно «поехала крыша» и она никого не узнает. Несколько раз Николай пытался с ней заговорить, проходя мимо ограды, но та делала испуганное лицо и пряталась.

Немного бодрости придал седьмой день от начала его гражданской жизни. Вернее, поздний вечер. Николай сидел в гостиной, вытянув ноги в полуразвалившемся кресле, сквозь дремоту смотрел телевизор, по которому показывали что-то из советской военной героики. Рядом на табуретке стояли две пустые бутылки «Жигулевского» (это пиво было непобедимо, как и его отвратительный вкус). И вдруг он что-то почувствовал – интуицию не обманешь. Навострил уши, подобрался и услышал скрип на крыльце. Молния в голове – кто-то взломал калитку, пересек двор... «Добрый вечер в нашей хате»? Поздно думать – соображать надо! Он словно предчувствовал, что сейчас произойдет. Только не успел! Входная дверь распахнулась от мощного удара, вылетел с мясом крючок, на который он заперся, когда находился внутри, и в дом ворвались трое – в чем-то черном, мешковатом, с бандитскими рожами. Явно не герои светской хроники. Их намерения явственно читались в динамике движений! Они преодолели короткий коридор, влетели в гостиную.

– Вот падла! – взревел один из них. – Своих предал! Сидит, балдеет! Сейчас ты, сука, за все ответишь! Привет тебе, гаденыш, от лейтенанта Шелеха! Помнишь своего начальника? – И все трое двинулись на него, размахивая кулаками.

Поздно вставать и что-то предпринимать. Но выучка позволила сохранить самообладание. Николай движением бедер вывел кресло из равновесия. Левые ножки оторвались от пола, а сам он перевалился через правый подлокотник, загремел на пол, одновременно отталкивая кресло от себя. Видимо, главный из троицы, летящий в атаку со сжатыми кулаками, запнулся об него, охнул и треснулся грудью о левую боковину. Кресло развалилось на куски. Он откатился, ослепленный болью, освобождая место другим. Второй уже перепрыгивал через раскромсанное кресло. Опять Николай не успевал подняться! Он схватил бутылку от «Жигулевского» – она упала на пол с перевернутой табуретки – и метнул ее с положения лежа. Это был хороший бросок. Посудина дважды перевернулась и ударила мужика по лбу! Кость была крепка, в отличие от стеклянного изделия. Бутылка раскололась на мелкие кусочки, они разлетелись по комнате. Мужик запнулся, как-то растерянно всплеснул руками – и словно задумался, нужно ли падать. Николай уже не думал – подлетел, как на трамплине, хватая за ножку табуретку, и побежал к окну. Даже храбрый человек должен уметь быстро бегать. Три скачка – и он, развернувшись, метнул табуретку. Она усилила аргументацию – увлекла за собой мужика, повалила. Но наперерез летел третий – он немного замешкался, но с направлением не ошибся. Прыгнул на Николая – увы, тот был бессилён перед законом всемирного тяготения, но, падая, успел отвести руку и ударил противника локтем по виску. Он зашипел, словно не до конца раскупоренная пивная бутылка, – второй удар, третий! Николай выкрутился из-под него, словно угорь, и взлетел на полусогнутых. Он понимал, что происходит, и все же имел твердое намерение завершить «разъяснительную работу». В гостиной царил разгром. Он выбежал на открытое пространство, нагнулся, схватил отколотое горлышко бутылки, весьма удачно оказавшееся под ногами. Надо же, «розочка» – популярное оружие уголовников и участников пьяных застолий! Вовсе не пустяк, пусть не убьет, но может навсегда обезобразить лицо. Он стоял, согнув ноги, и хищно скалился, держа на виду всю троицу. А те понемногу приходили в себя, вставали – побитые, униженные, окончательно разозленные, и стали приближаться, жадно пожирая свою жертву глазами. Что-то щелкнуло в руке у одного из «оппонентов» – как у факира из рукава, выскочило тонкое лезвие.

– Ну, все, гаденыш, попросился... – процедил он.

– Шо, Колюнчик, думал, связал концы и выскочил на волю? – сипло хохотнул второй.

– Пошли, братва, дадим корешу треста, – оскалился обладатель ножичка. И приготовился к прыжку.

– Ну, все, товарищи бойцы, хорош благовать! – возвестил от порога бодрый голос, в котором звенели юмористические нотки. – Уделал он вас, как пить дать, уделал! И не стыдно, ребята? Какой-то «укроп» надавал по сусалам bravому спецназу! Хорош, говорю, расслабились! Калаченко, отставить, выбрось «розочку»!

На середину комнаты вышел ухмыляющийся комвзвода специальной разведки Илья Ткач. Он насмешливо смотрел, как его бойцы, чертыхаясь, принимают «мирные» стойки, натужно ухмыляются. Унизил их парень, конечно, сильно. У одного болела грудина, у второго расцветала роскошная шишка на лбу, третий покачивался, переживая удар в висок. Николай поколебался, выбросил зазубренное горлышко. Если честно, чего-то подобного он и ожидал.

– Да хрен он нас уделал, Илья, – проворчал, опуская глаза, обладатель отбитой грудины. – Все равно бы мы его дожали.

– Ладно, не маши кулаками после драки, Серега, – рассмеялся Илья. – Все, мужики, представление окончено, всем спасибо, до утра свободны! Утром на службу, и чтобы подлечились!

Подчиненные, ворча под нос, поволоклись из дома. Николай угрюмо смотрел на Илью. Перевел взгляд на перевернутую мебель и с досадой сплюнул.

– Ну, извини, – развел руками Илья. – Виноват, что это оказались мои люди, а не твои бывшие кореша, мечтающие перерезать тебе горло. Зато теперь я спокоен – если они придут, ты окажешь достойное сопротивление. Во всяком случае, несколько минут продержишься.

– Проверяешь, старлей? – проворчал Николай.

– Есть такой грешок, – признал Илья. – Не в том плане, что ты заслан, а просто интересно, как ты готов действовать в критической ситуации и на что способен.

– На многое способен, – вздохнул Николай. – Учили меня. Я что, похож на вражеского агента? Считаешь, у меня тут подпольный кружок?

– Да ладно, уймись! Никакой ты не агент, и подпольный кружок в твоей хате – это что-то вроде гей-клуба в подвале гестапо, то есть смешно. А за мебель прости. Кресло жалко – в нем так удобно бездельничать перед телевизором, верно?

– Я работал весь день, – буркнул Николай. – Могу и побездельничать, мое право.

– Конечно, – кивнул Илья и вдруг задал неожиданный вопрос: – Ты не сильно напрягся? Выпить хочешь?

Николай удивленно смотрел, как офицер ополчения извлекает из сумки банки с консервами, кусок сыра, бутылку не самой отвратительной в Донбассе водки. Поколебавшись, он направился к буфету за посудой.

Посидели, в принципе, неплохо. Выпили, закусили. Илья исподтишка разглядывал дезертира, а тот смущался, не знал, как себя вести.

– Не боишься мхом порастить? – вкрадчиво поинтересовался Илья. – Днем занимаешься всякой херней, вечерами, как бука, дома сидишь. Размялся бы, трахнул бы какую-нибудь девчонку. Ты парень видный, неужто не нашел бы? Или недостаточно взрослый?

– Слушай, старлей, я был достаточно взрослый для смерти, – вспыхнул Николай и выругался сквозь зубы. – Дебальцево это четко показало. А выжил, потому что подготовили нормально. Уж как-нибудь разберусь со своими личными делами. Извини, не сдержался...

– Нормально, – отмахнулся Илья, – хорошая беседа, как шахматы, без мата не обходится. Ладно, прекращай свои меморандумы. Нормально сидим, не порть вечер.

– Ага, не порть, – гундел Николай. – Устроил мне проверку по полной программе... Я что, должен был орать твоим архаровцам – не убивайте меня, хлопцы, я свой по самые гланды, я, типа, тут «засланный казачок», выполняю особо важное правительственное задание? Не верите вы мне, мужики, – тоскливо вздохнул он. – Ну, прости, не знал, что это твои люди, иначе не стал бы им рыла чистить, выпить бы предложил... Да ладно, справлюсь, если снова за решетку не посадите. Я же вижу, как за мной следят каждый день, словно я тут шпион под прикрытием...

– Никто за тобой не следит, – возразил Илья. – Ну, может, пару раз патрули поглядывали, не больше. У нас людей не хватает, знаешь ли, отслеживать каждого перебежчика. Ты не один такой, парень. Обещаю, не будет больше слежки, слово офицера. И парней своих подальше задвину.

– Быдловатые они у тебя какие-то, – усмехнулся Николай.

– Ты тоже без высшего образования, – улыбнулся Илья. – Ладно, извини, специально выбирал, старался, не все у меня такие. А проверял я тебя по другому поводу. Вот ты сидишь, ничего толкового не делаешь, а ведь мог бы принести пользу молодой свободолюбивой республике. Понимаешь, о чем я? Не хочу давить, торопить, иначе ты все сделаешь наоборот. Просто подумай. Искупать свою вину все равно надо. Раз уж пришел к нам, будь ласков как-нибудь соответствовать. Сейчас такое время, когда лучше в армии, нежели на гражданке. В армии ты сыт, одет, обут, располагаешь, как и в мирной жизни, свободным временем, поскольку войны сейчас нет, а есть лишь небольшие минометно-бомбовые «недоразумения». А на гражданке надо крутиться, поскольку работы нет, а кушать хочется. Пока еще все устаканится – годы пройдут. А ты не создан для мирной жизни. И мир в наше время уж больно на войну смахивает. Мне надо полностью укомплектовать свой взвод, пока не началась новая заваруха. Присматриваюсь, подбираю достойных. У меня спецназ – разведчики, диверсанты, люди, умеющие не только драться, но и шевелить мозгами. Взвод укомплектован наполовину. Это элита, гор-

дость наших вооруженных сил, служить в ней реально почетно. Мы выполняем любые задачи. Повторяю – ЛЮБЫЕ.

– Ты, по ходу, делаешь мне предложение? – буркнул Николай, отводя глаза.

– Ну, в некотором роде, – согласился Илья. – Время есть, подумай, неволить не буду. Колхоз – дело добровольное. Из-под палки у нас служить – занятие неблагодарное. Не сказать, что я сильно в тебя влюблен, но сегодняшняя сценка впечатлила. Ты же понял интуитивно, что происходит, и все равно в драку ввязался. И бежал ты от своих красиво, с музыкой – мне рассказывали. Обещаю нормальный рабочий день – с выходными, с сидением у домашнего очага. Будут ночные бдения, но нечасто. С дальними рейдами пока туговато. В любой момент, если не понравится, можешь уйти, держать не будем.

– Знаю я вас, – посмурнел Николай. – Вход – рубль, выход – три... Черт... – Он задумался и как-то незаметно для себя проглотил стопку, зажевал «цыганкой сайрой».

– У тебя даже специальности на гражданке нет, – продолжал напирать Илья.

– Я в охране работал...

– И к какому месту ты это приложишь? Скажи еще, что ты не хочешь, потому что у тебя есть большие духовные потребности... Ладно, парень, думай, время есть. – Илья махнул свою стопку и отобрал у Николая банку с консервами. – И не вздумай сразу отказываться, а то обижусь. Ладно, шучу...

– Да подумаю я, подумаю, – вздохнул Николай. – Честно говоря, не знаю, старлей, темная какая-то материя, я вроде навоевался. Но серьезно говорю – подумаю.

В бутылке оставалось еще на пару тостов. За мир во всем мире, за дальнейшее понимание и сближение братских народов. В головах загудело, мозги раскисли – водка была того качества, что снимает тормоза и развязывает языки.

– Слушай, а что ты там бухтел про концлагерь под Беленском? – вдруг поинтересовался Николай. – Сочинял или на самом деле есть такая штука?

Илья рассказал, мрачней с каждой минутой, во всех подробностях, не приукрашивая. Никакой военной тайны он не раскрывал – наоборот, об этой штуке должно знать как можно больше людей. Пусть знают все, подхватывают, разносят информацию по миру. Даже в Украине найдется немало людей, для которых это неприемлемо. Он прошел через ужас, не сломился, выжил, бежал. Никто другой похвастаться этим не мог. Две недели в лагере отняли десять лет жизни. Организм постепенно восстановился, но только не душа. От воспоминаний сразу начинало трясти. Он старался бежать от этих воспоминаний, но они подстерегали каждый день, в самых неожиданных местах. Теперь вот этот парень – вроде нормальный, хотя и себе на уме. А ведь повстречай он его где-нибудь в окрестностях Беленска или Кашлан – «замочил» бы, не задумываясь...

– Ну, не знаю... – растерянно протянул Николай. – Мне точно с фашистами не по пути. У меня прадед всю войну прошел – под Берлином ранение получил, калекой остался. Деда – тогда еще мальчонку – в Германию угнали, на заводе «Даймлер-Бенц» разнорабочим трудился... Не знаю, старлей, все равно не верю, хотя понимаю, что нет тебе резона сочинительством заниматься... Возможно. Отморозков везде хватает. Можно подумать, у вас их нет.

– Таких – нет, – резонно возразил Илья. – Для самого это стало шоком, приятель. Теперь понимаю, о каких европейских ценностях трюндят ваши власти...

Пойло заканчивалось, разлили по последней.

– Шабаш, Николай, – нетвердым голосом проговорил Илья, заглядывая в пустую консервную банку. – О работе поговорили, о политике, осталось о бабах. Девушка есть?

– Где? – так же нетвердо спросил Николай.

– Да хоть где, мне без разницы.

– В Киеве была, – пожал плечами Николай. – Красивая, статная, железная такая бизнес-леди. Целой фирмой командовала. Любила меня без памяти... Ну, как девушка – на четыре

года старше. Муж, ребенок, все дела. Приезжала каждый день, запрещала деньги тратить, подарки покупала, следила, чтобы с другими не путался. Не по мне это как-то – неудобняк был страшный. Я вроде не альфонс за бабий счет жить. Да и не любил я ее по-настоящему, просто нравилась, в постели с ней было, как на американских горках. Потом у нее муж заболел чем-то неизлечимым, фирма затрещала... Ладно, не хочу об этом. А у тебя есть девушка?

– Есть, – кивнул Илья, – только далеко – в Беленске.

– Где-где? – удивленно переспросил Николай.

Язык у Ильи развязался, как помело. Хотелось выговориться, облегчить душу. Единственная девушка – просто девушка, ни больше ни меньше, а весь свет на ней клином сошелся, и никакие другие в голову не лезут! Он рассказывал про свой сон, в котором видел эти глаза, про госпиталь, где девушка с этими глазами выхаживала его, практически мертвого, от побоев и истощения. Как Олеся Моравская ответила взаимностью на его чувства, но, когда он сбежал из плена и прибыл в Беленск, чтобы забрать ее с собой, очень некстати всплыла больная мама и маленькая дочка. А у него на «хвосте» висели силовики, и тащить весь этот табор не было возможности... Да, имелась связь с Олесей, он несколько раз звонил ей по мобильнику, с девушкой все было в порядке. Но с некоторых пор он перестал выходить на связь – стало опасно, СБУ может подслушивать (с девушкой неоднократно беседовали сотрудники этой организации). Пока проносило, но рисковать он не мог. И ситуация просто доканывает, мотает нервы, мешает спокойно жить...

И чего он так разнюнился? Даже глаза покраснели. И перед кем? Перед вчерашним украинским дезертиром! Николай, к счастью, не стал выпрашивать подробности, иронизировать. Он мрачно слушал, выражая всем своим видом неловкость, с сожалением смотрел на пустую бутылку.

– Ладно, не слушай меня, несу какую-то муть, – опомнился Илья, посмотрел на часы и присвистнул. Ничего себе! В следующий раз лучше брать пол-литра. Или литр – чтобы другие проблемы отстали. Он поднялся, сунул Николаю руку для рукопожатия и шаткой поступью удалился из дома. А Николай пошатался из угла в угол, потом какое-то время возился с дверью, прибывая назад крючок. Мыть посуду и устранять разрушения сил уже не было. Он доплелся до ближайшей горизонтальной плоскости и рухнул на нее без задних ног...

Но поспать удалось не больше двух часов. Сработал сотовый телефон, который он забрал позавчера у торговца паленой горилкой на базаре и не «светил» им перед людьми. На вид этот торговец был пьянью подзаборной, но дело свое знал. А крохотная «симка» была зашита в обмундировании, в котором он бежал через блокпост. Хмель еще не выветрился, но не мешал думать и удивляться недалёковидности подельников! Николай слетел с кровати, на которой вырубился, выскочил из дома и на цыпочках перебежал двор. На улице было тихо. Дул прохладный осенний ветерок. Округа спала, фонари не горели. Он припал к узкой щели между стыками профлиста, сердце его учащенно забилося. На противоположной стороне дороги, укрывшись от дома бабы Любы за развесистой яблоней, стояла машина с погашенными фарами. Старенькие «Жигули», судя по очертаниям. Приглушенно работал двигатель. Николай чертыхнулся – что они себе возомнили! Это же отъявленный риск! Но выбора не оставалось, не хватало, чтобы эти кретины принялись долбиться в ворота! Спокойно, уговаривал он себя, бесшумно открывая ворота, – главное, не забывать, что имеешь дело с идиотами. Машина тронулась с места, развернулась и въехала во двор. Николай высунулся за калитку, оглянулся по сторонам, закрыл ворота и кинулся к парням, вылезавшим из машины. Их было двое, лица разьедал сумрак.

– Вы что, охренели? – зашипел он. – Чего вы на хату приперлись? Это же опасно, у меня два часа назад были «сепары»...

– Знаем, что были, расслабься, Колян, – проурчал невысокий и плотный Анатолий Моргун. – Шум у тебя в хате стоял, потом ты квасил с каким-то парнем. Ну, чего стоишь, пыхтишь, не рад друзьям? Тута мы, с тобой. Песчаный карьер – два человека, забыл?

– Давно тут вертимся, нет никого возле дома, – добавил худощавый Петро Драчевский. – Пора, Коля, пора. А то обрадовался, блаженствуешь тут без дела...

– Гы-гы, точно, – хохотнул Моргун. – Ура, у нас каникулы, в натуре... Хрен, работать надо.

– Все равно кретины, – огрызнулся Николай. – Еще и на угнанной тачке приперлись, совсем мозги не включаете.

– А что за «сепар» был? – поинтересовался Драчевский. – Ты, типа, с террористами квазить начинаешь, в доверие втираешься?

– Втираюсь, – процедил Николай. – Это опасный «сепар», начальник местного спецназа. Из «Олимпиака» в прошлом месяце бежал.

– Да иди ты! – изумился Моргун. – Тот самый «сепар», про которого нам всю плешь проели? Который свалил, на фиг, из лагеря, прикончив кучу нашего народа? Прикольные у тебя знакомства, Колян, так держать!

– Ладно, хватит глумиться, – злобно буркнул Николай. – Оружие, взрывчатка – все с собой?

– Обижаешь, – ухмыльнулся Драчевский. – Конечно, с собой. С багажом, семьдесят верст по вражеским тылам, не жравши, не спавши. Накормишь, командир? А то желудки бурчат, кишка кишке, как говорится, дает по башке...

– Накормлю. Пусть лежит багаж, не трогайте. В гараже вытащим...

Пришлось второй раз за ночь проявлять активность. Избавляться от угнанной машины нужно быстро, но как от нее сейчас избавишься? Отогнать и бросить где-нибудь в лесу? Найдут. Далеко не отгонишь, и рано или поздно она привлечет внимание к твоей персоне. Ладно, принял опасное решение Николай. Будем надеяться, что старший лейтенант Илья Ткач – человек слова, и обысков и слежки больше не будет. Это и в его интересах, если хочет, чтобы Николай пошел служить в его долбаный спецназ! Он спустился в гараж под домом, вывел оттуда «Ниву», а на ее место загнал украденные «Жигули». Гараж был не просто так, а с небольшим секретом. Справа стояли две колонны, а за ними, словно холст в каморке папы Карло, висели стальные жалюзи, со стороны напоминающие стену. Спасибо бате, обо всем позаботился, старый хрыч! С помощью сослуживцев он вытащил из закутка старые баки, а потом втиснул туда угнанную тачку. Вошла она с натягом, при парковке порвалось заднее крыло, но это не имело значения. Несколько дней простоит, авось не заметят. После этого он заспешил обратно во двор, вернул в гараж свою «Ниву». Постоял в воротах, прислушался. В округе было тихо. До рассвета не такая уж бездна времени. Он вошел в гараж, закрыл за собой ворота и с облегчением вздохнул.

В гараже горел свет. Сослуживцы мялись у впрессованного «жигуленка» с минами бедных родственников. Моргун был крепок в кости, брит почти наголо. Драчевский напоминал пацана-переростка – но образ этот не вязался с его реальной сущностью.

– И чего стоим, словно переночевать негде? – разозлился Николай. – Открывайте багажник, доставайте взрывчатку, или где она там у вас.

– Это самое, Колян, – как-то стушевался Драчевский, – мы откроем, конечно, но ты не удивляйся, добро? Там кроме тротила и сумки с оружием еще кое-что...

«Кое-что» действительно было поводом избить этих бродяг до полусмерти. Никаких представлений о конспирации и осторожности! И как ОНО вошло только в этот багажник? Взору пышущего злобой Николая предстали два мертвых тела, скрученные в какой-то сложный анатомический узел. Это были невысокие и довольно хрупкие парень с девушкой – в джинсах, в невзрачных плащевых курточках. Смерть их была дикая – обоим свернули шеи, в глазах застыл беспросветный ужас. Девчушка была симпатичная, хотя вряд ли достигшая совершен-

нолетия. Николай обратил внимание, что джинсы у нее расстегнуты и сидели как-то криво. Пальцы на руках сломаны, запястья в ссадинах. «Хорошо хоть не ножами, – подумал он, – а то развлекались бы сейчас со всей их кровью».

– И как это понимать, бойцы? На хрена вы их сюда привезли? Кто такие?

– Да мы не в курсах, командир, – как-то застенчиво пробормотал Моргун. – Это... трупы... типа.

– Мертвые, – несколько раздвинул рамки познания Драчевский.

– Я понял, мертвые трупы... – пробормотал Николай. – Бойцы, вы совсем белены объелись? Что они делают в вашем багажнике?! Только не говорите, что так и было!

– Мы не виноваты, Колян, – загундел Моргун. – Все нормально шло, часть пути провезли, потом на своих двоих. Заколебались пешком идти – мы же не железные эту тяжесть волочить. Вышли к какой-то ферме. Тачка стояла – дверь открыта, ключ в замке. Ну, мы и сели. А завестись не успели – эти двое влюбленных из-за угла. Тачка их оказалась. Пришлось обезвредить, в машину сунули – и ходу в лес. Не оставлять же их посреди дороги. Нас до этого какие-то грибники срисовали. Примчатся «сепарь», перекроют лес и возьмут облавой... А в лес въехали, смотрим – парень помер, а дивчина еще живая, только придушили малость...

– Понимаю, на интимные эксперименты потянуло, – презрительно сплюнул Николай. – Дорвались, кретины, забыли, что на плечах ответственное задание.

– Это все Моргун, – сказал Драчевский. – Мы их в лесу хотели бросить, но это не лес оказался, а перелесок, рядом поле, на него грузовик въехал – бабы деревенские прибыли картошку убирать. Не хотелось оставлять там это «добро» – утрамбовали в багажник...

– И привезли ко мне домой, имбицилы... – схватился за голову Николай. – В общем, слушайте сюда своего командира. Сейчас хватаете лопаты, выносите «жмуров» через заднюю дверь в сад и зарываете там, где я скажу. И чтобы не засек вас никто, уяснили? Лопаты в сарае. Живо за работу! Потом будете жрать и остричь!

Вечно самому приходится все контролировать! От трупов уже попахивало – сколько же времени их возили в багажнике? Тела вытащили в сад, благо они были вполне подъемные. Он показал место за сараем в углу забора, где росла крапива. Рыть тут! И не сачковать, чтобы не меньше двух метров в глубину, нечего трупных червей разводить. Моргун и Драчевский покорно трудились – пусть кретины, а признали вину. Николай тем временем бегал от забора к забору, висел на сетке, выходящей на участок Кулика, несколько раз подходил к воротам, прислушивался. Неужели пронесло, слава тебе господи! Шесть килограммов взрывчатки (плюс взрыватели, детонаторы, пульта дистанционного управления) и сумку с оружием он оттащил к неиспользуемому гаражу. Сел передохнуть.

В углу сада трудились, кряхтя, двое. Земля на участке была мягкая, податливая, рыли быстро. Уже и могилку оформили. Мертвые тела стлкали ногами и при этом скабрено подшучивали. Драчевский что-то хохмил про надгробный памятник – мол, звездочку лепить или крест? «Два влюбленных сердечка», – хихикал Моргун. Эти двое немисливо раздражали Николая. Не любил он плодить бессмысленные трупы, от них веяло не только могильным холодом, но и реальным «палевом». Он вошел в гараж на участке, сдвинул жестяной лист, засыпанный мусором, под которым вскрылась крышка подпола. В гараже имелся утепленный и хорошо припрятанный подвал с вентиляцией. С какой целью его вырыл отец, он уже не помнил, но о наличии этой полости под землей, облицованной досками, помнил всегда. Вооружившись фонарем, Николай спустился вниз. Рассеянный свет озарил вытянутое помещение, какую-то старую мебель, два матраса на полу, кипу старых одеял, обветшалые простыни. Он щелкнул выключателем на стене. Загорелась лампочка, прикрученная к цоколю, болтающе-муся на проводе. Фонарь можно было отключить. За ним спустились сослуживцы, пристроили в углу взрывчатку и оружие.

– Все сделали? – проворчал Николай.

– Так точно, господин-пан сержант. Пусть спят спокойно, милые голубки, – шутливо козырнул Моргун и стал недоуменно озираться. – Это чего у тебя здесь, Колян?

– Отель «Дом колхозника». Минус «три звезды», – отозвался сержант. – Здесь вы будете жить.

– Ты серьезно? – поскучнел Драчевский. – А поопрятнее и поближе к свежему воздуху ничего нет?

– Только сортир, – усмехнулся Николай. – Скажите спасибо, что на улицу не выгоняю. Из подвала никуда не выходить, еду и питье буду приносить по мере надобности. Вести себя тихо – иногда заходят патрули. Утром постараюсь что-нибудь найти, голодающие, блин! А сейчас спать – о еде ни слова... Прогулки только под моим контролем и с моего ведома. В случае потенциальной угрозы можно уйти огородами через дыру в сетке. Завтра обсудим ситуацию и перспективы на выполнение задания.

– Блин, влипли, – расстроился Моргун.

– Еще не влипли. Но с таким отношением к делу, как у вас, когда-нибудь влипнете. Все, я закрываю вас. – Николай развернулся и заскрипел по лестнице наверх...

Он сидел на крыльце, дымил махоркой. Сон отбило полностью. Новый день был не за горами. Серел восток, над горизонтом расплзались облака, освобождая небо. Чертовы поделнички! Он никак не ожидал, что они явятся к нему на хату. Встреча планировалась на нейтральной территории, где-нибудь в безлюдном уголке природы. Ладно, может, и к лучшему, незачем разбивать группу. Все началось в Березне восемь дней назад – там стоял, изнывая от безделья, разведзвод лейтенанта Шелеха. Надежды на наступательную операцию таяли. Поначалу казалось, что вот-вот, со дня на день, вся нависшая над мятежниками армада придет в движение, нанесет стремительный удар, рассеет группировку сепаратистов и погонит ее без остановок к российским границам. Но шли недели, месяцы, власти в Киеве преступно малодушничили, приказа перейти границу так и не поступало. Политики торговались в Минске, чиновники в Киеве делили наворованные деньги. А солдаты в окопах разлагались, усиливалось разочарование, неверие в победу. Бойцы пьянствовали, принимали наркотики, офицеры смотрели на это сквозь пальцы. Прошел слухок, что к Березне подтягивают батарею самоходных гаубиц «Гвоздика» – дескать, скоро начнется, кажется, дождалось! Под Березней уже оборудовали замаскированные позиции для САУ. Но гаубицы так и не пришли – их прибытие продолжало откладываться. Восемь дней назад сержант Калаченко и двое бойцов из его отделения ушли в увольнительную. У Моргуна имелись связи с местным блатным по фамилии Карасюк – то ли бандитом, то ли мелким предпринимателем. «Хлопцы, я договорился, – сказал Моргун, глаза его возбужденно блестели. – На всю ночь весь банно-прачечный комплекс этого говнюка к нашим услугам! Он кое-что мне должен, сказал, что плату за ночь не возьмет». Ночка действительно выдалась знатная. Во владениях Карасюка имелась уютная парилка, небольшой бассейн, душ, бильярд. Был стол, еда, горилка рекой. Карасюк даже шлюх подогнал. Две были ничего, а третья – чересчур уж в теле. «Это моя, моя!» – радовался пьяный Драчевский, подверженный весьма причудливым пристрастиям. Свою же пессию Николай помнил смутно. Одним словом, отдохнули славно, забылись. Куда подевались девчонки, история умалчивает, да и бес с ними. Плохо, что перепились, да так и уснули на мраморном полу. Утро началось в двенадцать дня – персонал комплекса уже отчаялся их разбудить. Головы трещали, похмелье рвало на куски. Но делать нечего, побрели на службу, готовясь понести наказание по всей строгости военного времени. Плевать хотели, в таком состоянии даже казнь стала бы избавлением. На КПП дневальный их развернул: в расположение не заходить, сразу к комбату, мол, искал и страшно ругался. «Ну, все, – уныло подумал Николай. – В сауне накосячили, а кто-то слил. Может, из девчонок кто-то помер? Ведь не особо с ними церемонились». У штаба стоял внедорожник – вроде незнакомый. «Заправиться, на начальство не дышать, – предупредил он, прежде чем войти в здание. – И вообще молчать, говорить буду я».

Гильотина в этот хмурый полдень, кажется, отменялась. В помещении штаба присутствовали комбат майор Ветринец Павел Георгиевич, начальник штаба капитан Соловей, а также начальник разведки, он же командир разведвзвода, он же непосредственный начальник Николая – лейтенант Шелех. Помимо перечисленных был еще один субъект – он сидел в углу, невзрачный, какой-то бледный и постный, в форме, но без знаков различия. Видимо, ему и принадлежал тот самый внедорожник. Разведчики стояли по стойке смирно, и четыре пары глаз их пытливо разглядывали. Зрелище было отменное – рожи помятые, осоловевшие, перегаром разило, как от портового кабака. «Хороши, нечего сказать, – скрипнул зубами комбат Ветринец. – И вот это, можете себе представить, Виктор Акимович, мои лучшие люди, опытные разведчики, преданные душой и телом молодой украинской демократии». «Бывает», – пожал плечами незнакомец. У него и голос был невзрачный, ничем не запоминающийся. «Как на духу, Калаченко, – строго сказал комбат, – где ночь провели? Почему опоздали?» Одно из правил разведчика: не знаешь, что соврать, – говори правду. Николай отчитался: увольнительная, все такое. Выпивка, девочки, заодно и помылись. Готовы понести наказание. «Сейчас понесете, – зловеще процедил комбат. – Знаем мы этих девочек. Всяких шлюх из района привозят, а потом лучшие разведчики подхватывают причудливые болезни... Ладно, Калаченко, хоть не дезертировали, и за это спасибо. Они ваши, Виктор Акимович».

Невзрачного человека звали Виктор Акимович Зейдлиц. Майор Службы безопасности Украины. У него был неприятный царапающий взгляд. Говорил он сухо, лаконично и по существу. Мол, безумно рад познакомиться с лучшими разведчиками части и должен сообщить, что долгожданное наступление, о необходимости которого говорят все, кому не лень, скоро начнется. Когда это произойдет, он сказать не может. Военная тайна. Но не сегодня и не завтра. Предстоит кропотливая подготовительная работа. Скоро в квадрат Березни подойдут дополнительные подразделения, в частности батарея САУ, но к группе сержанта Калаченко это не имеет никакого отношения. В войска поступил приказ: усилить диверсионно-разведывательную работу в тылу врага. Необходимо ослабить инфраструктуру террористов, посеять панику в их рядах. А теперь важное и ответственное задание – от имени и по поручению Родины. Калаченко – «дезертировать» с оружием, военные на блокпосте подыграют, убедить сепаратистов в своей ненависти к киевскому режиму и окопаться в Краснодоле, где у Калаченко, как известно, дом. В ополчение не вступать, устроиться на любую работу, желательную связанную с автоперевозками, втереться в доверие к сепаратистам. Драчевского и Моргуна с оружием и взрывчаткой перебросит через кордон спецгруппа. В Краснодоле им следует затаиться и связаться с Калаченко. На адаптацию – несколько дней. Задача – проведение подрыва малой ГРС у села Щучье. Само село украинское командование не волнует, но станция питает ремонтно-механический завод, который «сепары» восстановили, вывели на полную мощность и теперь денно и нощно клепают на нем сломанную и разбитую технику. Внедриться на завод возможности нет (тем более пронести туда взрывчатку), но есть простой способ парализовать его работу – уничтожить газораспределительную станцию. Объект охраняется, но для «лучших» разведчиков это же не проблема? Задача номер два, основная: выждать несколько дней и провести подрыв центральной ГРС в Краснодоле. Объект тоже охраняется, но... см. выше.

– Вопросы есть? – спросил под конец Зейдлиц.

– Так точно, господин майор, – кивнул Николай. – Если мы взорвем одну ГРС, террористы, естественно, бросят все силы на охрану другой. Вы считаете, мы сможем к ней подобраться?

Взгляд Зейдлица сделался пронзительным и немного желчным.

– Но вы же найдете решение, сержант? Вы же войдете в доверие к нашим врагам? Вам никто не мешает проявлять инициативу и принимать нестандартные решения. Мы изучили ваш послужной список. Вы безжалостны к врагам государства, но вместе с тем хорошо работаете головой и умеете завоевывать доверие людей. И небольшая ремарка, господа военные.

Если кому-нибудь из вас по ряду причин придет в голову мысль переметнуться к противнику, это будет крайне неудачная мысль. У Калаченко в Киеве мать, у Драчевского родня в Мариуполе, у Моргуня родители в Херсоне. Вы же не хотите, чтобы они ответили за своих детей? Но уверен, такого не случится, мы изучили ваши личные дела и знаем, что вы верны присяге и будете служить Украине до последней капли крови. В случае успешного выполнения обоих заданий я буду ходатайствовать перед начальством о выплате каждому бойцу персональной премии эквивалентом в десять тысяч долларов. Слава Украине, панове...

Глава 3

Остаток ночи и утро прошли спокойно. Похмелье продолжало потряхивать, но уже меньше. Ополченцы и прочая вредоносная публика возле дома не кружили. Кажется, сохранил Господь. Николай был уверен в правоте дела, за которое сражается Украина. Он ненавидел ее врагов. И хотя сам был с востока, родился и вырос в том месте, где сейчас находилось средоточие «банды», говорил всю жизнь по-русски – русским себя не считал. Он был украинцем с большой буквы! И искренне верил, что нравственные категории, типа морали и совести, уместны лишь к западу от линии разграничения, а в том месте, где правит бал Сатана, их быть не может. Здесь все вражеское, подлежащее полному выкорчевыванию. Если враг не сдастся, его уничтожают! Это его родная земля, это Украина! И не так уж неправ был Адольф Гитлер, когда волком смотрел на восток, где таилась (и таится) угроза всему цивилизованному миру. Николай верил в Бога и знал, что он на его стороне.

Похоже, мелкий бес по имени Илья Ткач сдержал свое обещание – дом Калаченко перестал быть объектом пристального внимания. В районе полудня Николай спустился в подвал под вторым гаражом. Там горел свет, товарищи уже проснулись, зевали и терли глаза.

– Слава нации, дети подземелья, – проворчал Николай, выгружая на бочку термос с чаем и бутерброды.

– Смерть врагам, командир, – зевнул Моргун. – И долго ты нас в заточении собрался держать?

– Летать охота? – строго посмотрел на него Николай. – Смотри, Толян, многие уже долетались. Быстро жрите – и на opravку. Сортир за углом, в сад не выходить. После завтрака – перекур и постановка задачи.

Через двадцать минут он расстелил на полу мятый кусок ватмана, на котором схематично изобразил план ГРС в Щучьем.

– А это что за палочки для еды? – ткнул пальцем в карту Моргун.

– Шампур с шашлыком – лучшая палочка для еды, – хохотнул Драчевский.

– Посерьезнее, бойцы, – нахмурился Николай. – Данная станция расположена на ответвлении магистрального газопровода, запитывает населенный пункт и промышленный объект. Производительность станции – около 100 тысяч кубометров газа в час, то есть весьма приличная. Давление понижается по трехступенчатой схеме – отсюда избыток резервуаров и трубопроводов. Станция довольно старая, хотя частично укомплектована современным оборудованием. Это здание, – показал он карандашом, – окрашено сине-серым. В нем находятся блоки отключающих устройств и автоматического регулирования подачи газа. Это – группа резервуаров, связанных между собой трубопроводами. Здесь пункт переключения, УПР, узлы очистки газа и сбора конденсата, а также редуцирования. Это – дорожка, по которой ходит охрана, – обвел он схему по периметру. – В дневное время работает персонал, действует пропускная система. Добывать пропуск – трудно и малоэффективно. Периметр объекта – металлический забор с колючей проволокой по верху, но электричество не пропущено – объект не такой уж стратегический. Караул, правда, серьезный, состоит из девяти человек, не считая «начкара» – разводящего. Часовая смена курсирует по периметру внутри объекта, остальные находятся в северном крыле здания, где имеются помещения для отдыхающей и бодрствующей смен. Время операции – завтра, четыре часа утра. Надеюсь, обе смены будут в это время сладко спать. Минируем газопровод низкого давления и вот эту часть обводного газопровода. Два взрыва, по полтора килограмма тротила в каждом, должны вызвать полное уничтожение станции.

– И всех уродов, что на ней находятся, – злорадно потер ладони Драчевский.

– Именно, – кивнул Николай. – Сейчас распределим роли, и каждый свою должен выубить, как «Отче наш». Потом сидите весь день в подвале, и чтобы отсюда – ни ногой. Поедем на дело на угнанных «Жигулях» – моя тачка пусть остается в гараже.

– Рисковый ты хлопец, сержант, – хмыкнул Моргун.

– Риск оправдан, – возразил Николай. – Я все продумал, эту тачку в нашем районе не ищут. Полагаю, ее вообще не ищут. До выезда из города отсюда полкилометра. Я знаю окольную дорогу, где нет патрулей. Встанем в леске, оттуда пешком двести метров. На обратном пути «Жигули» подорвем. Возвращаемся пешком – восемь верст не крюк, не больше часа бегом. На участок пролезем через сетку. Будет иллюзия, что я всю ночь находился дома, – если кому-то придет в голову меня заподозрить...

– Не опасно покидать твою хату на угнанной машине? – засомневался Драчевский.

– Сказал человек, полдня возивший в ней двух трупаков, – желчно засмеялся Николай. – В три часа ночи риск минимален. Предварительная разведка, выезжаем тихо, с погашенными фарами... Ладно, не морочьте мне голову. Внимание на план. Мне сегодня еще таксовать весь день, в отличие от вас, лоботрясов...

Распределительная станция находилась на пустыре за околицей села. С одного конца она примыкала к дороге, с другого упиралась в овраг. На востоке синел лес, в котором диверсанты оставили машину. От проходной ремонтно-механического завода ГРС отгораживала свалка металлолома и жидкая лесополоса. Местечко выглядело вполне уединенным. Ночь была спокойная, дул приятный расслабляющий ветерок. К четверем часам светать еще не начало – все же осень на дворе. Округа вымерла, только в лесу ухала дребезжащим голосом сова. Станция занимала порядка двухсот квадратных метров и вся была опутана трубопроводами. Они тянулись почти по земле, загибались вверх под прямым углом, снова распрямлялись. На фоне сиреневого неба возвышались резервуары размером в половину железнодорожных цистерн, продолговатое строение посреди площадки с двускатной крышей. Ворота и калитка были заперты, ключ находился у начальника караула. По дорожке внутри ограждения изредка проходил часовой. Он монотонно следовал по кругу с одной и той же скоростью, иногда курил – что было, видимо, грубым нарушением караульного устава и большой человеческой глупостью (в воздухе явственно ощущался запах газа). Еще один часовой бродил вдоль строения. Третий куда-то спрятался. Но вот возник – в узком пространстве между резервуарами. Этот не курил – вероятно, дружил с головой.

Поскрипывала щебенка – мутный силуэт автоматчика медленно проследовал вдоль ограды. На тыльной стороне объекта больше никого не было. Он остановился, сладко зевнул, постоял, глядя на небо, тронулся дальше. Через минуту повернул под прямым углом, и густой мрак поглотил часового. Освещение на объекте не включали, сэкономили электричество, только над крыльцом караулки мерцала тусклая лампочка. Что-то зашевелилось снаружи ограды, привстал человек, перебежал. Скрипнул металл – он использовал для подъема на столб монтерские когти с ремнями!словно всю жизнь только этим и занимался! Высота забора была порядка трех метров, диверсант ловко вскарабкался, перерезал колючую проволоку, перебрался на другую сторону, и ему протянули тяжелую сумку. Он забрал ее и исчез. Снова воцарилась тишина. Она продолжалась несколько минут. Заскрипела щебенка – возвращался часовой, сделав круг. Он повернул у углового столба, поволокся дальше. Что-то привлекло его внимание, автоматчик остановился, задрал голову. Колючая проволока над головой была порвана! Он не успел подать сигнал, только скинул автомат с плеча. За спиной возник силуэт – подкрался неслышно, прыгнул, полоснул ножом по горлу и оттолкнул от себя часового! Тот не сразу упал, стоял, расставив ноги, шатался, сдавленно хрипел. Потом силы покинули его, он опустился на колени и повалился лицом на дорожку. Темнота скрыла хлеставшую из горла кровь.

По столбу уже карабкался второй диверсант, за ним третий. Первый помогал им бесшумно спрыгнуть.

– Быстро работаем, хлопцы, – шипел Николай. – Мы не знаем, когда они сменяются...

Часовых снимали, как на показательном экзамене. Тот, что маячил вдоль строения, добрался до угла и оторопел, когда из-за угла кто-то вывернул, едва не протаранив его. Не успел он и рта открыть, как в живот вошло длинное лезвие, провернулось там, наматывая на обухок кишки. Автоматчик закатил глаза.

– Тихо, родной, тихо... – вкрадчиво урчал Моргун, вытаскивая из часового лезвие и придерживая его, чтобы падал без шума.

Тот, что шатался между резервуарами, вышел на открытое пространство, завертел головой. Он что-то услышал. Звук был странный, нехарактерный для мирной ночи, словно хрипел кто-то. Но и этот не успел забить в набат. Сзади подкрался еще один демон, набросил на шею тонкую струну. Ефрейтор Драчевский данный способ умерщвления предпочитал остальным. Не так кроваво. Часовой и дернуться не успел, как тонкий металл порвал кожу, сдавил горло. Кислородная недостаточность поразила мозг мгновенно – он упал и уже не шевелился. Мимо Драчевского пробежал, пригнувшись, Николай.

– Работаем, Петро, работаем, потом гордиться будешь...

Минировали объект быстро и слаженно. Закладывали взрывчатку, вкручивали взрыватели. Из караульного помещения никто не выходил – не пришел, видно, час. На непредвиденный случай имелась граната, но, черт возьми, это было так рискованно! Впрочем, рисковать своими драгоценными жизнями этой ночью не пришлось, караул спал. Взрывчатку заложили за несколько минут, побежали к ограде – к «проторенной дорожке». Еще три минуты – чтобы по одному забраться на столб и прыгнуть вниз. Моргун чертыхался – умудрился все-таки порезать руку. Они бежали, пригнувшись, к свалке металлолома, обогнули ее, полезли на возвышенность, к лесу. На опушке устроились с удобством – как перед экраном в кинотеатре. Моргун вытащил пульт дистанционного управления, оскалится – неровные зубы заблестели в лунном свете.

– Эх, подождать бы сейчас, пока подъедет персонал, а заодно и новая караульная смена, – да расхерачить всех, к той-то матери!

– Нажимай уже, – проворчал Николай.

– ДАДАМ! – пропел Моргун и надавил кнопку на дистанционке.

Два взрыва в разных концах станции прогремели одновременно. Огненный шар с голубоватыми переливами вырос на месте газораспределительной станции и с треском порвался, словно набухший фейерверк! Снопы искр разлетелись в разные стороны. Местность озарилась, словно днем. Лопнувшие резервуары, искореженные трубы. Казалось, горел сам воздух. Раскололось здание, его фрагменты охватило жаркое пламя. В огненном аду метались горящие караульные, падали, превращались в угли. Никому не удалось вырваться за пределы ограды – хоть ее и повалило практически по всему периметру. За считанные мгновения от станции ничего не осталось – пламя сжирало и плавало все.

«Смерть москалям! – вопили Моргун с Драчевским. – Смерть, смерть!» – благо никто не мог их услышать. Николай опомнился, прикрикнул – а ну, ша, после войны ликовать будем! Еще на улице Связистов пешком чапать! Они рванулись через лес, выбежали к «Жигулям», которые припрятали в кустах. Николай носился с канистрой бензина, обливал машину. Потом отбежал подальше, вытащил из сумки гранату «Ф-1», забросил в открытое окно и покатился с пригорка, закрыв голову. Рвануло душевно – не так, как на станции, но все равно понравилось. Раскуроченная машина вспыхнула, как стог сена. Подельники скулили от удовольствия – ох уж эти дети, восторгающиеся взрывами и салютами!

– А что? – хохотал Драчевский. – Если долго смотреть на огонь...

– То можно увидеть, как тебя кончают «сепары», – отрезал Николай. – Ну все, хлопцы, головы в ноги, и за мной, бегом марш! Через сорок минут мы должны быть дома.

В норматив уложились, даже раньше пришли. Часть пути бежали по пади оврага, сбивая перевозбуждение. Потом петляли какими-то окраинными переулками. Рассвет близился, но петухи еще не пели. Около пяти утра Николай прополз по участку соседей Куликов, отогнул сетку и переправился на свою территорию. На окраине Краснодола было тихо. Городок еще спал. Он короткими перебежками добежал до гаража, несколько минут всматривался в очертания дома. Сбегал к воротам – на участок в его отсутствие никто не заходил, обрывок тонкой лески был зажат между косяком и калиткой. Весьма довольный, побегал обратно, махнул рукой. Отлично! И пусть теперь попробуют доказать, что он куда-то уходил ночью! Сообщники по одному перебирались на участок. Они еще дрожали от возбуждения, еще не успокоились. Состояние – идеальное, чтобы насиловать и убивать всех, кто попадает под руку. Опасное состояние, нужно сбавить накал. Голова должна оставаться холодной.

– Успокоились, парни, – приказал Николай. – На сегодня всё. Полезайте в свою нору, и до обеда – ни звука. Выпить – принесу, пожарать – тоже принесу. Но если узнаю, что вы куда-то намылились – убью, вашу мать...

Он мог себе позволить этим утром лишь три часа сна. Потом за баранку, мозолить людям глаза, создавать видимость, что он пытается заработать на хлеб насущный. Но прежде отмыться – смыть с себя кровь, грязь, пороховые пятна. Одежду – сжечь...

Николай долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок. Где они наследили, в чем лажнулись? Часть задания выполнена, в Щучьем уже переполох, пожарные заливают огонь, спасатели ворочают обугленные трупы. Начнутся облавы, обыски, аресты, и он может загреметь под шумок, если будет вести себя как полный кретин. И в этих условиях надо планировать вторую часть «балета» – атаку на центральную ГРС, которая расположена совсем неподалеку – на другом конце улицы Связистов. Нет сомнения, что охрану усилят. Ничего, стоит поближе познакомиться с тем парнем – Ильей Ткачом. Противник достойный – если не сломался в «Олимпике», где ломали и не таких, если сумел оттуда сбежать и так быстро восстановиться...

Илья же этой ночью спал как убитый. Под утро приснился страшный сон – ноги связаны, а бежать – ну очень надо. Его Олесю уводили люди в грязной униформе с дубинками на поясе – хохмили, каламбурили, пошлепывали ее по разным местам. Он находился рядом, но был полностью парализован – даже выругаться не мог нормально! И снова ее глаза перед его глазами – кричащие, до краев наполненные болью...

Он проснулся весь в поту за полчаса до подъема. Снова мрачные мысли полезли в голову. Месяц прошел, как он сбежал из украинского концлагеря, и с каждым днем все беспокойнее на душе. Что с Олесей? Он боялся ей звонить, опасаясь, что СБУ ее вычислит. Что с людьми, страдающими в «Олимпике»? Их может быть много, очень много. В его бараке было примерно пятьдесят заключенных, а таких барачников в «Олимпике» не меньше десятка, они пустовали, но если заполнили и их – то это элементарная математика для второго класса. Люди гибнут постоянно – от побоев, болезней, которые никто не лечит, от непосильного труда на благо украинских чиновников. Вместо выбывших подвозят новых, «ротация» проходит постоянно. А скоро холода, и люди будут умирать еще чаще. Защитить их некому. В свободном и демократическом украинском государстве о правах человека стараются не задумываться...

Этот день был относительно свободным. Бойцы неукомплектованного взвода заступали в наряд по охране штаба. «Начкаром» он назначил старшину Бутейко, а сам на полдня отстранился от дел. Взвод разведки переживал не лучшие времена. Не сказать, что протекал процесс разложения, но какие-то его моменты были налицо. Отсутствие военных действий – замечательно, но для сохранения боеготовности – не лучший фактор. Угроза войны сохранялась, украинская армия сидела на границе и клала зубы. Но воевать Киеву становилось невыгодно. Во-первых, деньги, во-вторых, политика, в-третьих, собственное реноме. Очередное поражение в войне (а оно очевидно) – и полный крах состоятельности киевского

режима. Пойти на такое они не могли. Вооружение от границ толком не отводилось. Случались подвижки с передвижением колонн бронетехники, тягачей с гаубицами, но это, скорее, напоминало бег по кругу, чем демонстрацию миролюбивых намерений. И все же техника теперь работала не с прежней интенсивностью. Случались обстрелы (на которые силовики получали адекватный ответ), но они становились бессистемными. Разведка докладывала, что на конец сентября украинский Генштаб планирует военную авантюру, но это казалось маловероятным, напоминало вброс дезинформации. На фоне этой неопределенности (ни туда ни сюда) вооруженные силы республики тоже превращались во что-то аморфное. Пользуясь затишьем, люди уезжали домой – кто-то в отпуск, кто-то решил совсем завязать с военной службой. Во взводе оставались двенадцать человек, да и те теряли энтузиазм. Одно дело – защищать братский народ (или собственную землю) от набегов фашиствующих захватчиков, и другое – тупо ходить в наряды. Оставались преданные – в том числе Антон Беженцев, у которого худо-бедно зажила рука. Он уже приступил к своим обязанностям, хотя и считался в отпуске при части – имел полное право валяться на кровати и читать книжки.

К десяти утра нервная трясучка только усилилась. Илья не выдержал – уединился в дальнем уголке общежития, набрал заветный номер. Последний раз он звонил Олесе три недели назад. Она чего-то боялась. Он клятвенно заверил: больше без нужды звонить не будет, не станет подвергать ее риску. Он ее безумно любит, рано или поздно они встретятся, будут вместе, он что-нибудь придумает. Она ведь знала, какой он выдумщик. Олеса смеялась сквозь слезы, тоже признавалась в любви, обещала, что сама позвонит, когда не будет опасности... И что? Три недели прошло. Он с дрожью вслушивался в длинные гудки, психовал: ну, давай же, ответь! И сердце оборвалось, когда на том конце сняли трубку, и мужской голос вкрадчиво поинтересовался: «Алло?» Он чуть не ляпнул: «А Олесю можно?» В глазах потемнело, что за хрень? Может, на работе, бросила телефон, а случайный мужчина, оказавшийся рядом, решил ответить? Имелась масса разумных объяснений. Да черта с два, не было разумных объяснений! Голос на другом конце эфира был приторный, какой-то насмешливый. Он не настаивал – дескать, говорите, ну? Он ждал. Илья не смог ничего сказать, надавил на клавишу отбоя. И заметался, как волк по клетке. Все пропало, Олесю взяли! Оставалась еще одна лазейка – мама Олеси. В последнем разговоре она продиктовала несколько цифр – сообщила на всякий случай телефон своей матери, Нины Андреевны. «Если что-то случится, Илюша, позвони ей. Она ответит, если сможет. Я все ей рассказала – что у меня есть молодой человек, которого зовут Илья, я его очень люблю, он хороший, надежный... Что ты, милый, я не стала ей говорить, что ты служишь в ополчении. Она ничего не знает о тебе, кроме того, что ты есть...»

Илья терзался, не мог решиться. А если и мать «под колпаком»? Да что такого, в конце концов? Позвонил мужчина, искал Олесю, перезвонил матери. Пробить его номер все равно не смогут, тем более не определят владельца телефона. Владелец не пальцем делан – засечь местоположение аппарата невозможно, владелец зарегистрирован в Винницкой области... Он больше не мог терпеть, извлек из памяти нужный набор цифр, постучал по клавишам. По крайней мере, телефон был включен – эфир прорезали длинные гудки. И снова сердце укатилось в пятки, когда абонент отозвался. Впрочем, им оказалась женщина с безжизненным голосом. Она сказала: «Да, я вас слушаю».

– Это Нина Андреевна?

– Да, это я, а вы кто?

– Нина Андреевна, это Илья, знакомый Олеси... Я не могу до нее дозвониться, трубку берет мужчина... Вы можете сейчас говорить?

– Да, могу, я одна...

– Нина Андреевна, только не волнуйтесь, – частил Илья. – Если ваш телефон прослушивают, этот разговор не засекут – будут помехи. Придумайте что-нибудь – родственник с Западной Украины, еще кто-то... Нина Андреевна, что с Олесей?

Она заплакала, и Илья окончательно пал духом.

– Да, Илюша, она говорила про вас... За ней пришли вчера вечером, это люди из СБУ... Вроде вежливые, но ничего и слушать не хотели – ни про меня с моими болячками, ни про маленькую Иришку. Им поступил какой-то сигнал на Олесю. Она уверяла, что это ошибка, но ее увезли... – Женщина уже плакала навзрыд.

– Нина Андреевна, успокойтесь! Попробуйте сосредоточиться, перестаньте плакать – это не поможет. Я на вашей стороне, мы сделаем все, чтобы вернуть Олесю. Вы меня понимаете?

– Да, я вас понимаю, Илья...

– Отлично. Вы что-нибудь предпринимали?

– Я спросила у них: куда вы ее увозите? Они уклонились от ответа, сказали, что это не мое дело – компетентные органы во всем разберутся и мне сообщат... Сегодня утром я побежала на улицу Выставочную, там у нас районный отдел СБУ... Я билась во все двери, умоляла принять, выслушать... Единственное, что мне сказал дежурный, – делом моей дочери занимается капитан Куликович, и он со временем поставит меня в известность... Я вернулась домой, не знаю, что делать, не знаю, где моя дочь... Я понятия не имею, в чем она провинилась перед законом. Это ошибка... Илья, вы можете что-нибудь сделать? Вы где сейчас находитесь? Если вы так сильно любите Олесю...

– Нина Андреевна, вы только не волнуйтесь, я обязательно приму меры. К сожалению, я сейчас нахожусь далеко от Беленска... Никому не говорите, что я звонил. Верьте мне, Нина Андреевна, мы же с вами почти родственники.

– В каком смысле родственники? – не поняла она.

– Ну, надеюсь, вы станете моей тещей... – На этой жизнерадостной ноте Илья поспешил оборвать разговор. Стиснув зубы, он забегал по казарме...

Через полчаса Илья ворвался в штаб – злой, собранный и с таким выражением лица, словно собрался всех штабистов взять в заложники. Комбат Караба с видом «к нам не подходи, а то зарежу» мерил шагами свой кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.